

конечно не дитя, изъ родни этого дома или вообще изъ присутствующихъ, беретъ горшокъ обѣими руками и, наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, подноситъ его сначала гостю. Послѣдній, поддерживая дно горшка лѣвой рукой, беретъ безымяннымъ пальцемъ правой руки кусочекъ масла и либо бросаетъ его въ сторону бурхановъ, или кладетъ его въ ротъ, или мажетъ имъ свой лобъ (только тайчжинэр'цы), или же наконецъ, сбрасываетъ его въ очагъ или на стѣнку юрты. Человѣкъ же съ горшкомъ, сдѣлавъ поклонъ, опускаетъ до земли одно колѣно и приложивъ ко лбу въ то же время большой палецъ правой руки, подходитъ къ слѣдующему и т. д., пока не обойдетъ всѣхъ безразлично — мужчинъ и женщинъ. Каждый изъ нихъ продѣлываетъ тоже самое, т. е. сначала прикладываетъ палецъ ко лбу, а затѣмъ беретъ масло съ горлышка.

Послѣ этого хозяинъ убираетъ масло съ горлышка и наливаетъ вино въ чашку, которую и подаетъ гостю. Тотъ только долженъ пригубить вино, омочивши сначала въ немъ безымянный палецъ и брызнувъ съ него на бурхановъ или на юрту, а затѣмъ обязанъ передать чашку слѣдующему. Когда пригубятъ всѣ, то чашку вновь наполняютъ и подаютъ гостю, который и выпиваетъ вино все разомъ или въ нѣсколько глотковъ. Чашка тогда вновь наполняется и передается слѣдующему и т. д., пока очередь опять не дойдетъ до гостя.

Виночерпій (сунъчи) долженъ сидѣть „ради уваженія къ вину“, на одномъ мѣстѣ, не выходя изъ юрты и не выпуская изъ обѣихъ рукъ горшка, пока гости не уйдутъ. Онъ не встаетъ даже и тогда, когда почетный гость — князь или лама — встаетъ и уходитъ.

Затѣмъ, когда вино выпито и гость собирается уходить, хозяинъ снова наливаетъ ему чашку кумыса, который считается болѣе почетнымъ напиткомъ, на прощанье. Чашка опять обходитъ всѣхъ присутствующихъ, начиная съ гостя и кончая хозяйкой. Лишь только гость поднимается съ своего мѣста, встаютъ и всѣ присутствующіе и начинаютъ выходить вонъ: сначала выходятъ дѣти и женщины, затѣмъ младшіе гости и уже послѣднимъ выходитъ изъ юрты почетный гость.

Внѣ юрты ему подводятъ его лошадь, поддерживаютъ ее подъ уздцы и за стремя и, наконецъ, подсаживаютъ гостя на сѣдло.

Въ былыя времена, когда монголы въ Цайдам'ѣ были богаты скотомъ, они и жили веселѣе, и пиры давали богатые, непременно убивали барана даже пріѣзжему пріятелю, не говоря уже о томъ, что барана убивали для каждаго чиновнаго гостя. Нынѣ не то: цайдамецъ самого дорогого своего пріятеля угоститъ только чаемъ да водкой и